

Мигель
де СЕРВАНТЕС

Мигель де СЕРВАНТЕС

✧ ДОН КИХОТ ✧

Шедевр мировой литературы
В ОДНОМ ТОМЕ

2020
МОСКВА

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Исп)
С32

Miguel de Cervantes Saavedra
EL INGENIOSO HIDALGO
DON QUIJOTE DE LA MANCHA

Перевод с испанского *Николая Любимова*

Стихи в переводе *Юрия Корнеева*

Комментарии *Светланы Пискуновой*

Оформление серии *О. Горбовской*

Сервантес, Мигель де.
С32 Дон Кихот. Шедевр мировой литературы в одном томе : роман / Мигель де Сервантес ; [перевод с испанского Н. М. Любимова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 912 с. — (Полное собрание сочинений).

ISBN 978-5-04-109111-8

Одно из наиболее популярных произведений мировой литературы и просто невероятно увлекательная книга о приключениях мелкого дворянина, вообразившего себя средневековым «рыцарем без страха и упрека», который не боится показаться смешным в своем утопическом стремлении сделать мир лучше.

Роман о надежде и отчаянии, мудрости и сумасбродстве вот уже более четырех веков стоит в первой десятке величайших книг человечества. Имена главных героев — Дон Кихот, Санчо Панса, Дульсинья — давно стали нарицательными. История, переведенная на многие языки мира, легла в основу фильмов, сериалов и прославленного балета.

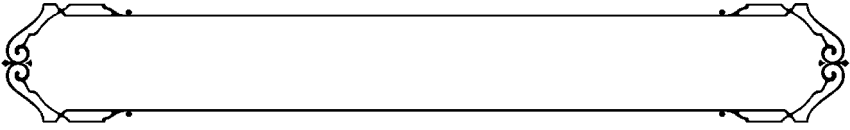
УДК 82(1-87)
ББК 84(4Исп)

© Любимов Н., перевод на русский язык.
Наследники, 2020
© Корнеев Ю., перевод стихов. Наследники, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-109111-8

Хитроумный идальго
Дон Кихот Ламанчский

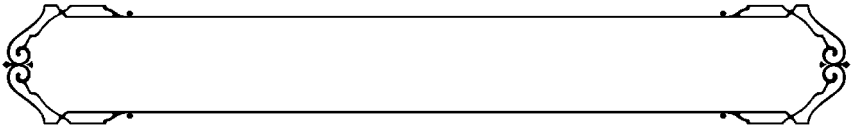

ПОСВЯЩЕНИЕ

Герцогу Бехарскому, маркизу Хибралеонскому, графу Беналькасарскому и Баньяресскому, виконту Алькосерскому, сеньору Капильясскому, Курьельскому и Бургильосскому

Ввиду того что Вы, Ваша Светлость, принадлежа к числу вельмож, столь склонных поощрять изящные искусства, оказываете радушный и почетный прием всякого рода книгам, наипаче же таким, которые по своему благородству не унижаются до своекорыстного угождения черни, положил я выдать в свет «Хитроумного идальго Дон Кихота Ламанчского» под защитой достославного имени Вашей Светлости и ныне, с тою почительностью, какую внушает мне Ваше величие, молю Вас принять его под милостивое свое покровительство, дабы, хотя и лишенный драгоценных украшений изящества и учености, обычно составляющих убранство произведений, выходящих из-под пера людей просвещенных, дерзнул он под сенью Вашей Светлости бесстрашно предстать на суд тех, кто, выходя за пределы собственного невежества, имеет обыкновение при разборе чужих трудов выносить не столько справедливый, сколько суровый приговор, — Вы же, Ваша Светлость, вперив очи мудрости своей в мои благие намерения, надеюсь, не отвергнете столь слабого изъяснения низжайшей моей преданности.

Мигель де Сервантес Сааведра

ПРОЛОГ

Досужий читатель! Ты и без клятвы можешь поверить, как хотелось бы мне, чтобы эта книга, плод моего разумения, являла собою верх красоты, изящества и глубокомыслия. Но отменить закон природы, согласно которому всякое живое существо порождает себе подобное, не в моей власти. А когда так, то что же иное мог породить бесплодный мой и неразвитый ум, если не повесть о костлявом, тощем, взбалмошном сыне, полном самых неожиданных мыслей, доселе никому не приходивших в голову, — словом, о таком, какого только и можно было породить в темнице, местопребывании всякого рода помех, обиталище одних лишь унылых звуков? Тихий уголок, покой, приветные долины, безоблачные небеса, журчащие ручьи, умиротворенный дух — вот что способно оплодотворить самую бесплодную музу и благодаря чему ее потомство, едва появившись на свет, преисполняет его восторгом и удивлением. Случается иной раз, что у кого-нибудь рождается безобразный и нескладный сын, однако же любовь спешит наложить повязку на глаза отца, и он не только не замечает его недостатков, но, напротив того, в самых этих недостатках находит нечто остроумное и привлекательное и в разговоре с друзьями выдает их за образец сметливости и грации. Я же только считаюсь отцом Дон Кихота — на самом деле я его отчим, и я не собираюсь идти проторенной дорогой и, как это делают иные, почти со слезами на глазах умолять тебя, дражайший читатель, простить моему детищу его недостатки или же посмотреть на них сквозь пальцы: ведь ты ему не родня и не друг, в твоём теле есть душа, воля у тебя столь же свободна, как у всякого многоопытного мужа, у себя дома ты так же властен распоряжаться, как король властен установить любой налог, и тебе должна быть известна поговорка: «Дай накроюсь моим плащом — тогда я справляюсь и с коро-

лем». Все это избавляет тебя от необходимости льстить моему герою и освобождает от каких бы то ни было обязательств, — следовательно, ты можешь говорить об этой истории все, что тебе вздумается, не боясь, что тебя осудят, если ты станешь хулить ее, или же наградят, если похвалишь.

Единственно, чего бы я желал, это чтобы она предстала пред тобой ничем не запятнанная и нагая, не украшенная ни прологом, ни бесчисленным множеством неизменных сонетов, эпиграмм и похвальных стихов, коими обыкновенно открывается у нас книга. Должен сознаться, что хотя я потратил на свою книгу немало труда, однако ж еще труднее было мне сочинить это самое предисловие, которое тебе предстоит прочесть. Много раз брался я за перо и много раз бросал, ибо не знал, о чем писать; но вот однажды, когда я, расстелив перед собой лист бумаги, заложив перо за ухо, облокотившись на письменный стол и подперев щеку ладонью, пребывал в нерешительности, ко мне зашел невзначай мой приятель, человек остроумный и здравомыслящий, и, видя, что я погружен в раздумье, осведомился о причине моей озабоченности, — я же, вовсе не намереваясь скрывать ее от моего друга, сказал, что обдумываю пролог к истории Дон Кихота, что у меня ничего не выходит и что из-за этого пролога у меня даже пропало желание выдать в свет книгу о подвигах столь благородного рыцаря.

— В самом деле, как же мне не бояться законодателя, издревле именуемого публикой, если после стольких лет, проведенных в тиши забвения, я, с тяжким грузом лет за плечами, ныне выношу на его суд сочинение сухое, как жердь, не блещущее выдумкой, не отличающееся ни красотами слога, ни игрою ума, не содержащее в себе никаких научных сведений и ничего назидательного, без выносок на полях и примечаний в конце, меж тем как другие авторы уснащают свои книги, хотя бы даже и светские, принадлежащие к повествовательному роду, изречениями Аристотеля, Платона и всего сонма философов, чем приводят в восторг читателей и благодаря чему эти самые авторы сходят за людей начитанных, образованных и красноречивых? Это еще что, — они вам и Священное Писание процитируют! Право, можно подумать, что читаешь кого-нибудь вроде святого Фомы или же другого учителя церкви. При этом они мастера по части соблюдения приличий: на одной странице изобразят вам беспутного повесу, а на другой преподнесут куцию проповедь в христианском духе, до того трогательную, что читать ее или слушать — одно наслаждение и удовольствие. Все это отсутствует в моей книге, ибо нечего мне выносить на поля и не к чему делать примечания; более того: не имея

понятия, каким авторам я следовал в этой книге, я не могу предпослать ей по заведенному обычаю хотя бы список имен в алфавитном порядке — список, в котором непременно значились бы и Аристотель, и Ксенофонт, даже Зоил и Зевксид, несмотря на то что один из них был просто ругатель, а другой художник. Не найдете вы в начале моей книги и сонетов — по крайней мере сонетов, принадлежащих перу герцогов, маркизов, графов, епископов, дам или же самых знаменитых поэтов. Впрочем, обратись я к двум-трем из моих чиновных друзей, они написали бы для меня сонеты, да еще такие, с которыми и рядом нельзя было бы поставить творения наиболее чтимых испанских поэтов.

Словом, друг и государь мой, — продолжал я, — пусть уж сеньор Дон Кихот останется погребенным в ламанчских архивах до тех пор, пока небо не пошлет ему кого-нибудь такого, кто украсит его всем, чего ему недостает. Ибо исправить свою книгу я не в состоянии, во-первых, потому, что я не доволен для этого образован и даровит, а во-вторых, потому, что врожденная лень и склонность к безделью мешают мне устремиться на поиски авторов, которые, кстати сказать, не сообщат мне ничего такого, чего бы я не знал и без них. Вот откуда происходят мое недоумение и моя растерянность, — все, что я вам рассказал, служит достаточным к тому основанием.

Выслушав меня, приятель мой хлопнул себя по лбу и, разразившись хохотом, сказал:

— Ей-богу, дружище, только сейчас уразумел я, как я в вас ошибался: ведь за время нашего длительного знакомства все поступки ваши убеждали меня в том, что я имею дело с человеком рассудительным и благоразумным. Но теперь я вижу, что мое представление о вас так же далеко от истины, как небо от земли. В самом деле, как могло случиться, что столь незначительные и легко устранимые препятствия смутили и озадачили ваш зрелый ум, привыкший с честью выходить из более затруднительных положений? Ручаюсь, что дело тут не в неумении, а в избытке лени и в вялости мысли. Хотите, я вам докажу, что я прав? В таком случае слушайте меня внимательно, и вы увидите, как я в мгновение ока смету с вашего пути все преграды и восполню все пробелы, которые якобы смущают вас и повергают в такое уныние, что вы уже не решаетесь выпустить на свет божий повесть о славном вашем Дон Кихоте, светоче и зеркале всего странствующего рыцарства.

— Ну так объясните же, — выслушав его, вскричал я, — каким образом надеетесь вы извлечь меня из пучины страха и озарить хаос моего смятения?

На это он мне ответил так:

— Прежде всего у вас вышла заминка с сонетами, эпиграммами и похвальными стихами, которые вам хотелось бы поместить в начале книги и которые должны быть написаны особами важными и титулованными, — это уладить легко. Возьмите на себя труд и сочините их сами, а затем, окрестив, дайте им любые имена: пусть их усыновит — ну хоть пресвитер Иоанн Индийский или же император Трапезундский, о которых, сколько мне известно, сохранилось предание, что это были отменные стихотворцы. Если же дело обстоит иначе и если иные педанты и бакалавры станут шипеть и жалить вас исподтишка, то не принимайте этого близко к сердцу: ведь если даже вас и уличат во лжи, то руку, которую вы будете это писать, вам все-таки не отрубят.

Что касается ссылок на полях — ссылок на авторов и на те произведения, откуда вы позаимствуете для своей книги сентенции и изречения, то вам стоит лишь привести к месту такие сентенции и латинские поговорки, которые вы знаете наизусть, или, по крайней мере, такие, которые вам не составит труда отыскать, — так, например, заговорив о свободе и рабстве, вставьте:

Non bene pro toto libertas venditur auro¹,

и тут же на полях отметьте, что это написал, положим, Гораций или кто-нибудь еще. Зайдет ли речь о всеильной смерти, спешите опереться на другую цитату:

Pallida mors aequo pulsat pede pauperum tabernas
Regumque turres².

Зайдет ли речь о том, что Господь заповедал хранить в сердце любовь и дружеское расположение к недругам нашим, — нимало не медля сошлитесь на Священное Писание, что доступно всякому мало-мальски сведущему человеку, и произнесите слова, сказанные не кем-либо, а самим Господом Богом: *Ego autem dico vobis: diligite inimicos vestros*³. Если о дурных помыслах — снова обратитесь к Евангелию: *De corde exeunt cogitationes malae*⁴.

¹ Свободу не следует продавать ни за какие деньги (*лат.*).

² Бледная смерть стучится и в хижины бедняков, и в царские дворцы (стихи из Горация, кн. I, ода 4) (*лат.*).

³ А я говорю вам: любите врагов ваших (Евангелие от Матфея, гл. V) (*лат.*).

⁴ Из сердца исходят дурные помыслы (Евангелие от Матфея, гл. XV) (*лат.*).

Если о непостоянстве друзей — к вашим услугам Катон со своим двустигмием:

Donec eris felix, multos numerabis amicos,
Tempora si fuerint nubila, solus eris¹.

И так, благодаря латинщине и прочему тому подобному, вы прославите по меньшей мере грамматиком, а в наше время звание это приносит немалую известность и немалый доход.

Что касается примечаний в конце книги, то вы смело можете сделать так: если в вашей повести упоминается какой-нибудь великан, назовите его Голиафом, — вам это ничего не будет стоить, а между тем у вас уже готово обширное примечание в таком роде: *Великан Голиаф — филистимлянин, коего пастух Давид в Теревиндской долине поразил камнем из пращи, как о том повествуется в Книге Царств, в главе такой-то.*

Затем, если вы хотите сойти за человека, отлично разбирающегося в светских науках, а равно и за космографа, постарайтесь упомянуть в своей книге реку Тахо, — вот вам еще одно великолепное примечание, а именно: *Река Тахо названа так по имени одного из королей всех Испаний; берет начало там-то и, омывая стены славного города Лиссабона, впадает в Море-Океан; существует предположение, что на дне ее имеется золотой песок*, и так далее. Зайдет ли речь о врагах — я расскажу вам историю Кака, которую я знаю назубок; о падших ли женщинах — к вашим услугам епископ Мондоньедский: он предоставит в ваше распоряжение Ламию, Лаису и Флору, ссылка же на него придаст вам немалый вес; о женщинах жестоких — Овидий преподнесет вам свою Медею; о волшебницах ли и колдуньях — у Гомера имеется для вас Калипсо, а у Вергилия — Цирцея; о храбрых ли полководцах — Юлий Цезарь в своих *Записках* предоставит в ваше распоряжение собственную свою персону, а Плутарх наградит вас тьмой Александров. Если речь зайдет о любви — зная два-три слова по-тоscanски, вы без труда сговоритесь со Львом Иудеем, а уж от него с пустыми руками вы не уйдете. Если же вам не захочется скитаться по чужим странам, то у себя дома вы найдете трактат Фонсеки «*О Божественной любви*», который и вас, и даже более искушенных в этой области читателей удовлетворит вполне. Итак, вам остается лишь упомянуть все эти имена и сослаться на те произведения, которые я вам назвал, примечания же и выноски поручите мне: клянусь, что поля вашей

¹ Покуда ты будешь счастлив, тебя будут окружать многочисленные друзья, но когда наступят смутные дни, ты будешь одинок (стихи не Катона, а Овидия из сборника элегий «Скорби», кн. I, элегия VI) (*лат.*).

повести будут испещрены выносками, а примечания в конце книги займут несколько листов.

Теперь перейдем к списку авторов, который во всех других книгах имеется и которого недостает вашей. Это беда поправимая: постарайтесь только отыскать книгу, к коей был бы приложен наиболее полный список, составленный, как вы говорите, в алфавитном порядке, и вот этот алфавитный указатель вставьте-ка в свою книгу. И если даже и выйдет наружу обман, ибо вряд ли вы в самом деле что-нибудь у этих авторов позаимствуете, то не придавайте этому значения: кто знает, может быть, и найдутся такие простаки, которые поверят, что вы и точно прибегали к этим авторам в своей простой и бесхитростной книге. Следственно, в крайнем случае этот длинейший список будет вам хоть тем полезен, что совершенно для вас неожиданно придаст книге вашей известную внушительность. К тому же вряд ли кто станет проверять, следовали вы кому-либо из этих авторов или не следовали, ибо никому от этого ни тепло, ни холодно. Тем более что, сколько я понимаю, книга ваша не нуждается ни в одном из тех украшений, которых, как вам кажется, ей недостает, ибо вся она есть сплошное обличение рыцарских романов, а о них и не помышлял Аристотель, ничего не говорил Василий Великий и не имел ни малейшего представления Цицерон. Побасенки ее ничего общего не имеют ни с поисками непреложной истины, ни с наблюдениями астрологов; ей незачем прибегать ни к геометрическим измерениям, ни к способу опровержения доказательств, коим пользуется риторика; она ничего решительно не проповедует и не смешивает божеского с человеческим, какового смешения надлежит остерегаться всякому разумному христианину. Ваше дело подражать природе, ибо чем искуснее автор ей подражает, тем ближе к совершенству его писания. И коль скоро единственная цель вашего сочинения — свергнуть власть рыцарских романов и свести на нет широкое распространение, какое получили они в высшем обществе и у простонародья, то и незачем вам выпрашивать у философов изречений, у Священного Писания — поучений, у поэтов — сказок, у риторов — речей, у святых — чудес; лучше позаботьтесь о том, чтобы все слова ваши были понятны, пристойны и правильно расположены, чтобы каждое предложение и каждый ваш период, затейливый и полнозвучный, с невозможною и доступною вам простотою и живостью передавали то, что вы хотите сказать; выражайтесь яснее, не запутывая и не затемняя смысла. Позаботьтесь также о том, чтобы, читая вашу повесть, меланхолик рассмеялся, весельчак стал еще веселее, простак не соскучился, разумный пришел в восторг от вашей выдумки, степенный не осудил ее, мудрый не мог не воздать

ей хвалу. Одним словом, неустанно стремитесь к тому, чтобы разрушить шаткое сооружение рыцарских романов, ибо хотя у многих они вызывают отвращение, но сколькокие еще превозносят их! И если вы своего добьетесь, то знайте, что вами сделано немало.

С великим вниманием слушал я моего приятеля, и его слова так ярко запечатлелись в моей памяти, что, не вступая ни в какие пререкания, я тут же с ним согласился и из этих его рассуждений решился составить пролог, ты же, благосклонный читатель, можешь теперь судить об уме моего друга, поймешь, какая это была для меня удача — в трудную минуту найти такого советчика, и почувствуешь облегчение при мысли о том, что история славного Дон Кихота Ламанчского дойдет до тебя без всяких обиняков, во всей своей непосредственности, а ведь вся Монтельская округа говорит в один голос, что это был целомудреннейший из любовников и храбрейший из рыцарей, какие когда-либо в том краю появлялись. Однако ж, знакомя тебя с таким благородным и таким достойным рыцарем, я не собираюсь преувеличивать ценность своей услуги; я хочу одного — чтобы ты был признателен мне за знакомство с его славным оруженосцем Санчо Пансою, ибо, по моему мнению, я воплотил в нем все лучшие качества оруженосца, тогда как в ворохе бессодержательных рыцарских романов мелькают лишь разрозненные его черты. Засим молю Бога, чтобы он и тебе послал здоровья и меня не оставил. *Vale*¹.

НА КНИГУ О ДОН КИХОТЕ ЛАМАНЧСКОМ

Урганда неуловимая

Если к тем, кто мыслит здра-,
Адресуешься ты, кни-,
Не грозят тебе упре-
В том, что чепуху ты ме-;
Если же неосторож-
Дашься в руки дурале-,
То от них немало вздо-
О самой себе услы-,
Хоть они из кожи ле-,
Чтоб учеными казать-

Опыт учит: чем пышне-
Древо расцвело на солн-,
Тем под ним в жару прохлад-

¹ Прощай, будь здоров (*лат.*).

Вот ты в Бѣхар и отправь-:
Там есть царственное дре-,
На котором принцы зре-,
И блистает между ни-
Герцог, равный Александ-,

В чьей тени ищи прию-.
Смелого удача лю-!

Расскажи о приключень-
Дворянина из Ламан-,
У кого от книг неле-
Ум совсем зашел за ра-.
Дамы, рыцари, турни-
Голову ему вскружи-,
И с Ненстовым Ролан-
Стал тягаться он: влюбил-
И решил мечом добить-
Дульсиней из Тобо-.

Титульный свой лист не взду-
Авторским гербом укра-:
В картах лишняя фигу-
Нам очков не прибавля-.
В предисловье будь смирен-,
Пусть об авторе не ска-:
«Он сравниться с Ганниба-,
Альваро де Луной хо-,
Или с королем Францис-,
Свой удел в плену клянущ-!»

Раз не столь умен твой ав-,
Как Хуан Латино слав-,
Негр, ученостью извест-,
Щеголять не смей латынь-.
Раз где тонко, там и рвет-,
Древних все не цити-,
А не то иной чита-
Разберется, в чем тут де-,
И подумает с улыб-:
«Что же ты меня моро-?»

Бойся длинных описа-
И не лезь героям в ду-,
Ибо там всегда потем-,
А в потемках ногу сло-.
Избегай играть слова-: